

Раньше он обитал в исторической части города, в районе Центрального рынка. Теперь решил обосноваться на дальней окраине. Подходящим местом как раз был восточный въезд в город, куда он сейчас и направлялся. Там было много густых рощ, похожих скорее на небольшие леса, чем на городские рощи. Вначале он хотел выйти возле аэропорта, но, вовремя сообразив, что здесь всегда бывает полно ментов, передумал. Вышел из троллейбуса не доезжая моста, сразу нырнул в густую зелёную чащу. Только здесь он почувствовал себя в относительной безопасности. Но нужно было ещё успеть до темна оборудовать себе берлогу. Земля в роще была относительно мягкая, чернозём, и Борис решил выкопать пещеру.

Через всю рощу, по дну глубокого обрывистого оврага с осыпающимися берегами, протекал мелководный, грязный ручей, или небольшая речка. Лучшего места, чем крутые берега ручья и желать было нельзя. Борис отошёл на приличное расстояние от края рощи, цепляясь за корневища деревьев, спустился на дно оврага. Это было как раз то, что надо! Сверху его совершенно не было видно. Правда, с противоположной стороны всё было как на ладони, но это не беда. Можно было замаскировать лаз в пещеру валежником и для безопасности сделать запасной выход.

Прикинув всё это, Борис Вишняков разделся до трусов, чтобы не выпачкать одежду, вытащил нож, и, помогая себе левой рукой, принялся копать нору. Почва была рыхлая, рассыпчатая и поддавалась легко, так что он за какой-то час выкопал длинный узкий коридор, ведущий вглубь берега. Здесь же перекурил, скорчившись в три погибели, отдохнул и вновь взялся за дело. Вырытую землю он насыпал в майку и волоком оттащивал к выходу. Ещё через два часа он значительно углубил и расширил лаз, начал копать пещеру. Борис спешил, стараясь закончить работу до темноты. Хотя основная часть строительства была уже сделана, и место для ночлега у него имелось.

Борис вскоре почувствовал дикую усталость, к тому же он проголодался, как волк, и умирал от жажды. Пить из грязного, вонючего ручья он не решился и, бросив работу и одевшись, вылез наверх. Там он ножом нарезал длинных веток с деревьев, сложил их огромной кучей на краю обрыва, чтобы приметить место. Пошёл по берегу ручья к выходу из рощи. Он плохо ориентировался в этой местности, к тому же была уже ночь, и Борис шёл наобум, надеясь выбраться на дорогу. Там можно было остановить машину и доехать до дежурного коммерческого ларька. Неожиданно его привлёк какой-то неясный шум в глубине рощи, как раз по направлению его пути. Борис насторожился и замедлил шаг. Рука машинально потянулась в карман за пистолетом.

Он с опаской сделал ещё несколько шагов, стараясь ничем себя не выдавать, то и дело останавливался и прислушивался. До рези в глазах всматривался в темноту впереди. Звуки голосов и шум какой-то борьбы усилились. Борис отчётливо различил угрожающий мужской бас и приглушённый девичий голос, пытавшийся звать на помощь. Голос то и дело прерывался, как если бы девушке зажимали рот. Борис всё понял: впереди вершил своё чёрное дело насильник или насильники. Может быть, даже сексуальный маньяк вроде знаменитого Чикатило!

Борис вытащил из кармана пистолет, передёрнул затвор, и крадучись, на цыпочках, направился к месту, откуда доносились голоса. По мере приближения шум впереди

усиливался. Осторожно раздвинув ветки, Борис увидел фигуру мужчины, привязывавшего к дереву девушку-подростка. Рот её был заткнут кляпом, глаза завязаны. Она была без юбки и трусов, из разорванной блузки выглядывали небольшие белые груди. Девушка мотала головой, мычала и плакала. Это злило мужчину. Связав ей сзади руки, он принялся срывать с жертвы остатки одежды. Когда она осталась без ничего, выломал длинный гибкий прут и ударил её несколько раз со всей силы. Бил, не разбираясь, — куда попало. На груди и животе девушки сейчас же появились кровавые рубцы, она забилась и задёргалась ещё сильнее. Это, видимо, доставило животное наслаждение маньяку. Он стал хлестать девушку по голым ногам, по бёдрам, норовя попасть по лобку.

Рот у несчастной был заткнут кляпом, и кричать она не могла. Девушка дёргалась что есть силы после каждого жестокого удара, но поделаться ничего не могла. Вскоре она вся была уже исполосована и от боли даже обмочилась. Маньяк отбросил прут, вытащил зажигалку и, чиркнув ею, поднёс тонкий язычок пламени к волосам на её лобке. Ещё мгновение и волос бы вспыхнул, причинив пленнице ужасные страдания.

Борис понял, что дело идёт к развязке и медлить нельзя. Он стремительно подбежал сзади к мужчине и, что есть силы, ударил его тяжёлой рукояткой пистолета по голове. Маньяк охнул и, выронив зажигалку, рухнул как подкошенный к ногам Бориса. Земля под его затылком мгновенно почернела от крови. Мужчина дёрнулся несколько раз в последних конвульсиях и затих. Вишняков понял, что перестарался. Нагнувшись, он приложил ухо к груди маньяка: сердце, увы, не билось. Мужчина был мёртв!

— Вот, блин, угодило меня ввязаться, — горько посетовал Борис.

Спрятал в карман пистолет и принялся торопливо обыскивать труп мужчины. Нашёл складной перочинный нож, верёвочную петлю, немного денег. В стороне увидел небольшую спортивную сумку, раскрыв молнию, обрадовался. В сумке были продукты, пластиковая бутылка с каким-то газированным напитком, поллитра водки. Борис схватил газировку и тут же с жадностью стал пить, опорожнив сразу наполовину. Отломил от круга большой кусок копчёной колбасы, стал торопливо есть, продолжая рыться в сумке. Нашёл пластиковые стаканчики, откупорив бутылку, налил себе водки. Крякнув, с удовольствием выпил.

Привязанная к дереву девушка притихла, не понимая, что происходит, со страхом прислушиваясь к странным звукам. Вишняков, наконец, вспомнил о ней, оставив трапезу, подошёл к дереву и перерезал ножом верёвку. Развязал глаза и вытащил изо рта тряпку. Девушка с ужасом взглянула на него, перевела затравленный взгляд на лежащего на земле маньяка.

— Не бойся, я ничего плохого тебе не сделаю, — предупредительно поднял руку Борис. — И этот больше тебя не тронет, я его того… порешил, бля.

Девушка торопливо закивала головой, давая понять, что она благодарна своему спасителю и бояться не будет. Спohватившись, ойкнула и зажала ладонями свои маленькие обнажённые груди. Борис кинул ей остатки изорванной блузки, и девушка натянула её на себя, пытаясь скрыть под этими лохмотьями наготу.

— Ты давай, помоги мне, слышишь, — попросил её Борис. — Этого чёрта закопать нужно! Он поманил её за собой, спустился на дно балки к ручью, вручил перочинный нож, найденный у маньяка.

— Будем копать могилу здесь. Сможешь? — спросил он её.

— Смогу, конечно, — торопливо заверила девушка и тут же приступила к делу.

Борис стал копать рядом

Перед тем как сбросить труп в вырытую яму, Вишняков снял с него вещи, передал спасённой пленнице.

— Возьми, одень пока это, а завтра что-нибудь придумаем.

Девушка повиновалась, торопливо натянув на себя измятую, явно великоватую ей, одежду маньяка. В ней она стала выглядеть смешно и нелепо. К тому же штаны спадали, и она всё время придерживала их руками.

— Утром можно мою юбку поискать и трусы с лифчиком, — сказала она. — Этот их вон там, за теми кустами бросил.

— Поищем, — согласился Борис. Взял труп за ноги и, подтащив к краю могилы, небрежно сбросил вниз. — Ты давай, это; засыпай.

Когда дело было сделано, он походил на верху, оглядывая место происшествия. Ногами затёр пятна крови на земле, подобрал перерезанную верёвку у дерева. Передал девушке спортивную сумку убитого маньяка.

— Пошли!

— Куда? — испугалась та.

— Со мной; Не пойдёшь ведь ты в таком виде домой, — резонно сказал Вишняков.

— Переночуешь в моей квартире, а утром поищем твою одежду, сейчас вряд ли что найдём.

— У

меня вообще-то нет дома, — сказала она, направляясь вслед за Борисом.

— Бродяжка, что ли? Беспризорная? — поинтересовался Вишняков.

— Нет, трассовая, — призналась девушка.

— А зовут тебя как?

— Меня не зовут, — сама прихожу, — пошутила та.

— А всё-таки?..

— Светкой.

— А меня Борисом. Будем знакомы, значит.

Вишняков привёл её в свою пещеру. Здесь было темно и тесно, но уютно. Он взял у неё спортивную сумку, достал оттуда бутылку водки, стаканчики, колбасу, нарезной батон.

— Ты выпьешь чуть-чуть, Светка? — спросил Борис, наливая в пластиковый стаканчик водки.

— Давай, — протянула руку девчонка. Выпив, она хорошо закусила, видно была голодна. Попросила сигарету. — Спасибо тебе, Боря! Если бы не ты, — зарезал бы меня этот и в речку бросил.

— Хорошо, если б только так, — сказал Борис. — Как бы похуже чего не придумал, отморозок; Издевался бы над живой, — сколько таких случаев было!

Светка вскоре заснула, утомлённая пережитыми злоключениями. Борис не стал её тревожить, хоть соблазнительные мысли были. Но он решил подождать до завтра, всё равно она никуда от него не денется.

Утром, едва рассвело, Борис разбудил Светку и они, похмелившись остатками водки, вернулись на место убийства маньяка. Вишняков вновь скрупулёзно обследовал всё вокруг, уничтожая замеченные улики. Слезил в балку, где они вчера закопали труп, забросал сухими ветками свеженасыпанную землю на могиле. Тем временем Светка, облазив на четвереньках все кусты, отыскала свою юбку и изорванное бельё. Тут же, не стесняясь Бориса, сбросила

брюки насильника, натянула на бёдра трусики и коротенькую юбочку. Вишняков залюбовался её стройными ножками, многозначительно присвистнул.

— Красивая ты, Светка!

— Что, трахнуть меня хочешь, да? — засмеявшись, ляпнула вдруг девчонка. — Что ж вчера не попросил? Я бы дала.

Борис смутился.

— Кто ж знал? К тому же спала ты вчера после ста граммов;

— Ну и что тут такого? Меня, бывало, и спящую шофера трахали; Во все дыхательно-пихательные!

Борис понял тонкий намёк и приблизился вплотную к девчонке. Рука его трепетно шмыгнула ей под юбку, нащупала тугую резинку трусиков, с силой решительно потянула её вниз. Светка помогла ему, сбросив трусы. Легла на траву, широко разбросав ноги, задрала высоко юбку. Борис узрел маленький, по детски почти голый лобок, крохотное отверстие влагалища. Член его сразу же встал на всю длину, Борис вытащил его через ширинку.

— Ни фиги себе у тебя палка! — с восхищением сказала девчонка. Потёрла пальчиками верхнюю часть влагалища, нащупывая клитор.

Борис лёг рядом с ней на траву, стал целовать в губы, потом переместился ниже. Расстегнув пуговицы мужской рубашки, принялся облизывать соски, враз набрякшие под его языком. Светка вздрогнула, выгнулась дугой и сладостно застонала. Борис сполз по её хрупкому телу ниже и заработал горячим влажным языком по влагалищу, целовал её пальцы, массирующие клитор. Она по-взрослому обхватила его руками за голову, принялась ласково гладить по волосам, плотнее прижимать его лицо к своему телу.

— Да, да, дорогой! Так; Ещё, пожалуйста! Ещё; Глубже войди. Да! Да!; Мне хорошо с тобой, милый! — шептала она частой скороговоркой, как опытная секс-бомба в американском порно-фильме.

Удовлетворив её языком, пока она, забившись в экстазе, не кончила, Борис приступил к традиционному сексу. Такого маленького влагалища он ещё не встречал и вначале даже испугался, как бы что-нибудь там не порвать. Осторожно, по миллиметру, он вводил в неё свой огромный, вставший член. Чувствовал, как плотно обволакивает его горячая, нежная мякоть её, истекающего любовными соками, влагалища. Светка подавалась навстречу ему всем телом и страстно стонала, осыпала обжигающими поцелуями его лицо, шею, руки. Сосала его пальцы. Борис качнул ещё несколько раз членом внутри её тесного, узкого влагалища и сам зарычал от страсти, чувствуя, что неудержимо кончает. Они обхватили друг друга руками, крепко прижались телами, покатались по траве, извиваясь в сладких конвульсиях. Они кончили одновременно и ещё через несколько секунд — уставшие, но довольные — в изнеможении откинулись на траву, широко разбросав руки и ноги.

— Никогда ещё мне не было так кайфово, как с тобой! — признался Борис.

— То ли ещё будет! — многозначительно пообещала Светка;